

ВОСПОМИНАНИЯ

Записки актера

Мотл Сирота

«Культурное строительство», осуществлявшееся в рамках создания «еврейской советской государственности» в Биробиджане и придававшее всей программе характер еврейского национального предприятия, изобиловало в большей или меньшей степени известными проектами, изначально получившими статус «государственных», как-то: еврейские газеты и радиовещание, писательская организация, сеть учебных заведений с преподаванием на идише, национальные клубы и библиотеки, научно-исследовательская комиссия, этнографический музей, литературно-публицистические альманахи и издательство на идише, симфонический оркестр, вокальный ансамбль и даже опера. Наиболее значимым среди этих национальных проектов был, несомненно, Биробиджанский государственный еврейский театр (БирГОСЕТ), действовавший с мая 1934-го по ноябрь 1949 года. На протяжении пятнадцати лет театр был самым важным культурным центром национальной жизни еврейской автономии, сосредоточив вокруг себя творческую деятельность десятков артистов, режиссеров, художников, композиторов, драматургов, критиков и других деятелей культуры.

Выступление М. Калинина на конференции, посвященной еврейским поселениям в СССР. 1926 год.

Начало деятельности БирГОСЕТа символически совпало с провозглашением Еврейской автономной области в мае 1934 года. Его положение было принципиально иным, нежели положение двух десятков других советских еврейских профессиональных театров, включая и три ведущих театра в Москве, Минске и Киеве, пользовавшихся государственной организационной и финансовой поддержкой. И центральные, и провинциальные еврейские театры существовали в сложных культурных, языковых и политических условиях, при наличии значительной конкуренции со стороны «не-национальных» театров, тогда как Государственный еврейский театр Биробиджана,

единственный театр области на протяжении всей своей истории, был официальным национальным театром автономии, где идишу декларативно отводилась роль государственного языка.

Поначалу, однако, БирГОСЕТ практически ничем не отличался от других провинциальных советско-еврейских театров и делал свои первые шаги, будучи бледной тенью Московского ГОСЕТа. Необходимость поисков особенного, «автономного» лица встала перед БирГОСЕТом только к началу 1935 года, после закрепления официального статуса ЕАО на Первом областном съезде Советов. Взятый центральными властями в 1935–1937 годах курс на превращение Биробиджана в «центр советской еврейской национальной культуры», квинтэссенцией которого стало заявление председателя Президиума ЦИК СССР Михаила Калинина 29 августа 1936 года о планах правительства по трансформации Еврейской автономной области в автономную республику, подвел под деятельность БирГОСЕТа более крепкую организационную базу и предоставил ему необходимую идеологическую поддержку. В рамках этой политики театр стал рассматриваться как один из приоритетных культурных атрибутов биробиджанского проекта, важный не только для внутреннего обслуживания переселенцев, но и как направленный вовне агитационно-пропагандистский инструмент. БирГОСЕТ должен был стать отражением идеи советско-еврейской государственности как способа решения еврейского вопроса в СССР. Для этой цели театру было присвоено в том же августе 1936 года имя члена Политбюро Лазаря Кагановича, что придало театру совершенно особый статус. Постепенное смещение «советско-еврейского акцента» в сторону Биробиджана привело к некоторому противостоянию между БирГОСЕТом и еврейской театральной элитой во главе с Соломоном Михоэлсом. Биробиджанский проект, и раньше воспринимавшийся еврейской интеллигенцией не слишком восторженно, начал превращаться в ощутимую угрозу для деятелей еврейской культуры в европейской части СССР, не собиравшихся связывать свою судьбу с Дальним Востоком. С другой стороны, в самом Биробиджане возникли определенные амбиции.

Кульминацией этого противостояния явилась новаторская деятельность ученика Алексея Грановского и Евгения Вахтангова, художественного руководителя БирГОСЕТа в 1937–1938 годах Мойше (Моисей) Гольдבלата, сформировавшего у Биробиджанского театра особое сценическое лицо и собственный стиль. Гольдблат фактически попытался, подведя определенную теоретическую основу и используя административно-территориальную базу и особый статус Еврейской автономии, превратить БирГОСЕТ в ведущий еврейский театр в СССР и в движущую силу запланированной трансформации Биробиджана в центр еврейской советской культуры. В этот период, например, репертуар советско-еврейской сцены часто апробировался именно в Биробиджане, а не в Москве, как это было прежде. Однако ежовские репрессии и изменение общеполитического климата в стране привели летом 1938 года к фактической остановке движения Биробиджана по пути к автономной республике и помешали осуществлению далеко идущих планов Гольдבלата. Некоторые сотрудники театра были арестованы и погибли в лагерях, самого же Гольдבלата арест чудом миновал, и ему пришлось бежать из Биробиджана.

Именно к этому драматическому и во многом трагическому периоду в истории театра и ЕАО и относятся впервые публикуемые воспоминания ветерана еврейского театра Мотла Сироты, исполнявшего должность коммерческого директора БирГОСЕТа в 1936–1939 годах – в период деятельности Гольдבלата. Особый интерес представляет утверждение Сироты, что это он буквально спас БирГОСЕТ от волны репрессий, сумев летом 1938 года вывезти театр на незапланированные гастроли в Иркутск и Новосибирск.

Биробиджанский период – лишь короткий фрагмент в театральной деятельности Сироты, начавшейся еще во время первой мировой войны в черте оседлости. В Биробиджан он приехал из Тирасполя по направлению ОЗЕТа (Общества по земельному устройству трудящихся евреев). Его записанные на русском языке в 1968–1970 годах мемуары хранятся в архиве Киевского института иудаики. Текст приводится с сокращениями.

Борис Котлерман

1936–1939 годы.

Биробиджан

Из Тирасполя мы поехали в Москву, а оттуда поездом Москва – Владивосток до Биробиджана. Поездка эта заняла 12 дней. Она была очень удачной, так как с нами в поезде ехала большая группа переселенцев. Мы все перезнакомились между собой, а общая цель поездки сблизила нас. Все говорили о том, что нас ждет, каждый строил планы, высказывал свои мысли и надежды, которые он связывал с этой поездкой... Некоторые вели переписку со своими родственниками, которые выехали в ЕАО раньше и утверждали, что там все очень хорошо. Другие говорили, что там, наоборот, не все хорошо. А они едут туда для того, чтобы своими глазами увидеть, что это такое за Биробиджан такой, о котором в последнее время все говорят... В разговорах, спорах время летело незаметно, и в первых числах июля 1936 года мы прибыли в Биробиджан. <...>

Директором Биробиджанского еврейского театра тогда был тов. Корман¹¹. По специальности он был учителем и театральные дела понимал довольно слабо. Это было заметно почти сразу же. Встретил он меня без особой радости, но все же сказал, что люди им очень нужны и он надеется, что сразу включусь в работу. Приказ о начале моей работы был сразу подписан, причем с того дня, с которого я был завербован, таков был общий порядок. <...>

Что собой представлял тогда Биробиджанский театр? Здание театра было деревянным одноэтажным. Зал вмещал около 500 человек. Кроме партера были только две небольшие ложи – одна, так называемая правительственная, которая почти всегда пустовала, и вторая – ложа дирекции театра, которая почти всегда была переполнена... Сцена была средних размеров, без поворотного круга, но с хорошим освещением. Мебель была тоже неплохой. В здании театра имелось центральное отопление, а во дворе театра размещалась своя котельная, которая кроме театра отапливала расположенный во дворе дом артистов. За время моей работы в театре рядом с этим домом был построен второй дом артистов. Во двор театра выходил также ресторан, тогда единственный в городе, если не считать ресторан на вокзале. Театр содержался в чистоте, и вид у него был довольно приличный. Коллектив театра был очень хороший. Постоянного художественного руководителя тогда в театре не было, а на отдельные постановки приезжали приглашенные режиссеры.

Сцена из спектакля БирГОСЕТа. Около 1935 года.

По количеству зрителей город не мог тогда обеспечить полную загрузку зала. Любая пьеса проходила при полных сборах только 8–10 раз. За год театр выпускал всего 6–7 премьер, так что театр работал с дотацией. Более того, выделенная дотация в сумме 300 тыс. рублей не покрывала образовавшегося дефицита, и в конце каждого года облисполком должен был изыскивать дополнительные средства. Для улучшения работы театра необходимо было увеличить количество новых постановок – это первое решение, которое напрашивалось само собой. Кроме того, необходимо было в летнее время выезжать на гастроли в другие города, зрители которых не видели наших постановок. А главное – необходимо было пригласить на постоянную работу хорошего режиссера, который был бы художественным руководителем театра.

В то время наш театр вел переписку с артистом Московского еврейского театра (ГОСЕТ) Гольдблатом Моисеем Исааковичем^[2]. Переговоры увенчались успехом, и <...> в начале 1937 года он приехал к нам. М.И. Гольдблат оказался не только хорошим артистом и режиссером, но и хорошим организатором. С прибытием М.И. Гольдבלата лицо театра значительно изменилось, и, конечно, в лучшую сторону. Театр не только приступил к подготовке новых пьес, но даже те, которые были в репертуаре театра, были обновлены и зазвучали по-новому. Появились новые, молодые актеры, и в театре была создана настоящая творческая обстановка. Среди новых работ театра были такие фундаментальные постановки, как «Блуждающие звезды», «Уриэль Акоста», «Тевье-молочник», «Разбойник Бойтрэ» и др. Это были отличные пьесы, они были хорошо поставлены и хорошо сыграны.

Широкий зритель знал М.И. Гольдבלата как режиссера фильма «Цыганский табор». Мы его узнали и как блестящего художественного руководителя театра. Все пьесы, поставленные Гольдблатом, оформлялись такими художниками, как Шифрин из Московского театра Красной Армии, Рабичев^[3] и наш Гольдберг. Музыка писали такие знаменитые композиторы, как Пульвер из ГОСЕТа, Богачевский из театра «Ромэн», Сандлер и др. Танцы были в отличной постановке нашего балетмейстера Ицхоки^[4].

Учитывая, что актерский состав у нас был очень хороший, можно себе представить, что каждый спектакль принимался зрителями исключительно хорошо. Помню, например, что спектакль «Разбойник Бойтрэ» проходил всегда при битковых аншлагах. Многие смотрели его по нескольку раз. Особенно впечатляющим был последний акт пьесы. В спектакле были две свадьбы. Одна из них – свадьба самого Бойтрэ – проходила в лесу. Это было очень красочное зрелище, которым заканчивался спектакль.

Конечно, перелом в работе театра наступил не сразу. И не сразу были поставлены эти спектакли. Но с самого начала была взята правильная линия, и с каждым месяцем это ощущалось. Напряженная работа всего коллектива приносила свои плоды. Обком партии очень интересовался работой театра и помогал нам во всем. <...>

Руководство театра решило в начале мая, что летом нужно выехать на гастроли. Пока наметили только два города – Хабаровск и Владивосток. Под словом «руководство» я понимаю только М.И. Гольдבלата и себя, так как наш директор театра Корман меньше всего руководил работой театра. Основное свое время он тратил на разъезды по области для выполнения различных заданий обкома партии по делам, ничего общего с театром не имеющим <...>

Работа предстояла огромная. Но я был рад этому, так как только в таких условиях можно проверить свои способности и постараться сделать все необходимое для пользы дела. Я сразу выехал в Хабаровск и Владивосток готовить наши гастроли. В обоих городах этих работало по два русских коллектива – драматический и оперетты. Они периодически обменивались сценическими площадками. Чтобы могли работать, одному из этих театров надо было куда-то выехать на гастроли. Но театры возражали, так как на своих базах они и без выездов работали при полных сборах, и им незачем было выезжать. Мне пришлось обратиться в обком и крайисполком, и они вмешались в этот вопрос. В Хабаровске крайком и его первый секретарь товарищ Лаврентьев^[5], а также председатель крайисполкома товарищ Крутой поддержали нас, и Хабаровский драмтеатр выехал на гастроли, освободив нам площадку. После Хабаровска мы поехали во Владивосток. И на этом наши первые гастроли закончились. В общем, они продолжались около двух месяцев и прошли неплохо. По окончании гастролей во Владивостоке у нас были творческие встречи с коллективами Владивостокского театра оперетты (которому был предоставлен отпуск на время нашей работы в городе), постоянного Китайского театра, который работал во Владивостоке, и представителями Хабаровского русского театра. Встречи были очень интересными и полезными. А после них мы все собрались на банкете в ресторане «Золотой рог».

Мы были очень довольны результатами наших гастролей. Наши спектакли понравились публике, и сборы были хорошие. Нужно сказать, что еврейский зритель не мог обеспечить полные сборы театру, так как этого зрителя было в этих городах относительно мало. Потому мы с самого начала рассчитывали и на русского зрителя. С этой целью к каждому спектаклю была выпущена специальная программа, в которой кроме указания участников спектакля и исполнителей ролей был приведен на русском языке подробный сюжет пьесы по актам и картинам. Была выпущена и хорошая реклама, усердно поработали и организаторы зрителей. Учитывая, что все наши спектакли были поставлены в синтетическом плане, т. е. они шли в сопровождении оркестра, с пением и танцами, зритель, даже не знавший языка, смотрел эти спектакли с удовольствием. <...>

С приходом в театр М.И. Гольдבלата количество постановок увеличилось. Он сам в течение года ставил 4–5 новых пьес, 3–4 премьеры готовили приглашенные режиссеры. Это сразу улучшило работу театра. Увеличились сборы, и значительно улучшились наши

материальные дела. Естественно, что коллектив театра все это чувствовал и старался работать как можно лучше.

В этом же году наш театр посетили высокие гости из Москвы. Помню приезд товарища Гамарника Яна Борисовича, который по линии Наркомата Оборона СССР объезжал Дальний Восток и приехал также в Биробиджан. Конечно, он был приглашен к нам в театр на спектакль^[6]. <...>

Приехала к нам в город как-то товарищ Жемчужина (жена т. Молотова). Она была тогда наркомом рыбной промышленности СССР^[7]. Приехала она специальным поездом в сопровождении советников и специалистов рыбной промышленности. Когда товарищ Кушнир узнал, что т. Жемчужина делает остановку в Биробиджане, он позвонил мне и попросил подготовить для показа фрагменты из пьесы «Блуждающие звезды» Шолом-Алейхема. Хотя спектакль еще не был готов к постановке, а только репетировался, Моисей Исаакович отобрал несколько сцен и подготовил их для показа. Когда гости приехали, я сел в зрительном зале рядом с т. Жемчужиной, чтобы назвать ей действующих лиц и переводить по ходу сцен.

Сцена из спектакля «Нашествие» по пьесе Л. Леонова в постановке Алексея Штейна. БирГОСЕТ.
1947 год.

– Я все сама хорошо понимаю, так что не трудись переводить, – прервала она меня. – Назови мне только фамилии артистов.

После показа, которым она осталась очень довольна, она поделилась с нами своими замечаниями. Затем она очень долго разговаривала со всеми нами и в конце концов, после беседы, сказала, обращаясь ко мне:

– Будешь в Москве, звони, если что-нибудь нужно будет. – И она назвала номер <...> телефона.

Телефон я записал, но, конечно, не звонил... А затем мы пригласили т. Жемчужину и товарищей, которые ее сопровождали, в ресторан на обед. Но мы только оконфузились перед ними.

– Что это за ресторан в Биробиджане, – спрашивала она, – где подают обычный шницель или отбивные? А где же еврейские национальные блюда – фаршированная рыба, кисло-сладкая, кигл? Плохо вы руководите своим рестораном. Приходите вечером ко мне в вагон, и я вас угощу настоящими еврейскими блюдами.

В этот вечер в спектакле были заняты все основные актеры театра, в том числе и Гольдблат, поэтому они не могли пойти. А я один счел неудобным пойти. Но Кушнир на следующий день рассказал мне, что их угостили действительно настоящими еврейскими блюдами, и при том очень вкусно приготовленными. Оказалось, что вместе с т. Жемчужиной ехала ее мать, которая и готовила все эти вкусные блюда.

А наш ресторан получил соответствующие указания и перестроил свою работу так, что там всегда были, кроме обычных, национальные еврейские блюда. И когда вскоре после этого к нам приехал народный артист Зубов^[8] для постановки спектакля русской группы, он не мог нахвалиться обедами нашего ресторана. К этому же времени относится появление в магазинах и кондитерских еврейских лакомств: штруделей, маковок и т. д.

ВОСПОМИНАНИЯ

Записки актера

Мотл Сирота

Окончание. Начало в № 7, 2008

Наступил 1937 год... Он начался как обычно. В начале как будто было все нормально: шли спектакли, ставились новые пьесы, приезжали приглашенные режиссеры, композиторы, художники. <...> Начальником облотдела искусств в Биробиджане был Ноткэ Вайнгауз^[11]. По совместительству он был и редактором радиокомитета. <...> Мы с ним крепко подружились. К тому же он был еще писателем, писал новеллы. Я никогда не забуду его любимую фразу «У красивых берегов Амура...». О каких бы трудностях с ним ни говорили, на что бы ни жаловались, он всегда находил нужный ответ для успокоения. И заканчивал всегда так: «Зато ты в Биробиджане, недалеко от красивых берегов Амура...» Он так произносил эту фразу, что каждый раз она звучала у него по-иному...

Актеры БирГОСЕТа после спектакля «Вечер Шолом-Алейхема». 1934 год.

Сидит слева первый художник театра режиссер Марк Рубинштейн.

Дружил он с редактором «Биробиджанер штерн» Гольденбергом^[2] и молодым писателем Эммануилом Казакевичем^[3]. Через Вайнгауза я также был знаком с ними, и мы часто встречались вместе. Провести в этой компании вечер было настоящим удовольствием – всегда было интересно, поучительно и весело. В редакции Э. Казакевича в нашем театре шла пьеса Карла Гуцкова «Уриэль Акоста». И шла она с большим успехом.

У нашего театра был еще один близкий и хороший друг. Я имею в виду зав. обл. наробразом товарища Гольдфайна. Всесторонне развитый человек, он знал несколько языков. Каждая встреча с ним всегда оставляла приятную память. Наши депутаты Верховного Совета СССР – Лея Лишнянская и Гольдберг (Израиль Гольдмахер. – Б. К.) также всегда были готовы помочь театру и помогали. Лея Лишнянская, телятница, которая установила в свое время рекорд по выращиванию и сохранению телят в трудных условиях зимы, была большой любительницей театра. А директор мебельной фабрики Гольдберг был ветераном Биробиджана, он один из первых приехал сюда и еще в тайге начал строить город. Помню еще товарища Зибельштейна – ответственного работника, который тоже всегда шел мне навстречу при решении вопросов, связанных с работой театра. Всех не запомнишь. Но любителей театра было много. Я был уверен, что с их помощью мы сумеем наладить хозяйственную деятельность театра. А художественное руководство нашего театра находилось в очень крепких и добрых руках Моисея Исааковича Гольдבלата. Казалось, что барометр показывает на «ясно». Но, к сожалению, все пошло насмарку. И взамен ясной солнечной погоды на нас всех надвинулись черные тучи.

В один далеко не прекрасный день мы вдруг узнали, что арестован Гетей – наш краевой начальник^[4]. Арестован как враг народа. Для всех нас это было словно обухом по голове. «Гетей – враг народа». Это не укладывалось в голове. Кому же тогда верить? Не успели мы еще пережить это событие, как узнаём, что арестовали первого секретаря обкома партии Хавкина^[5]. И обвиняли его в том, что он будто вел переговоры с американскими властями о передаче им Биробиджана и что для этой цели он приглашал в Биробиджан

евреев из капиталистических стран. Трудно было поверить и в это обвинение. К нам в Биробиджан действительно приезжали евреи из капиталистических стран. Но какие это были евреи? В основном – ремесленники, врачи, инженеры. Миллионеров и капиталистов мы среди них не замечали... Не прошло и несколько дней, как арестовали зав. наробразом Гольдфайна и директора нашего театра Кормана. И пошло... Каждое утро встаешь и узнаешь, что арестовали одного, другого... А город ведь маленький. И арестовывали людей заметных...

Мы начали волноваться за свой театр. Не знали, кого могут забрать завтра. Смотрели друг на друга, как враг на врага, и каждый думал, неужели среди нас имеются враги народа. Ведь мы друг друга как будто бы хорошо знали и не верили, что среди нас есть люди, которых надо арестовать... Не верили, но людей арестовывали. И каждый поневоле думал, что ждет его завтра...

Сцена из спектакля БирГОСЕТа. Около 1935 года.

Арестовали нашего артиста Фейгина^[6]. Это был страшный удар для театра – добираются и к нам... И главное, каждый боится высказать свое мнение и отношение к происходящему. Кто знает, может быть, сосед сразу об этом напишет куда следует и дело, как говорится, обернется совсем наоборот. Все молчат...

И тут я решил, что если театр не выедет на гастроли, то ему капут. Правда, не было особенной уверенности, что выезд что-то резко изменит. Но какую-то надежду это вселяло. И я чувствовал, что каждый в душе желает этого, но боится внести такое предложение. А вдруг его не так поймут... Тем более что в начале года гастрольная поездка не намечалась. Мы планировали весь 1938 год интенсивно поработать на базе, подготовить несколько новых пьес, а в 1939 году поехать в длительную гастрольную поездку по городам УССР, БССР и РСФСР. Следовательно, и Москва не планировала нашу поездку. И в случае выезда надо было бы иметь дело непосредственно с организациями на местах. А так как у нас был большой коллектив, и стоили мы дорого, то

было трудно надеяться, что город возьмет нас на гарантию. Работа же на кассу, естественно, была связана с риском. Было над чем подумать. Только для перевозки наших декораций и бутафории необходимо было три пульмановских вагонов. Ехать на Украину или Белоруссию – далеко, следовательно, дорого. Кроме того, там были свои еврейские театры. И без предварительного согласования ехать туда нельзя было. Значит, надо было работать где-нибудь поближе. Но не в Хабаровске или во Владивостоке, чтобы не быть очень близко к Биробиджану...

Подходящими городами с этой точки зрения были Иркутск и Новосибирск. Но там мало еврейского зрителя, и не было уверенности, что мы даже окупим свои расходы. А выехать самовольно на гастроли и вернуться с большим дефицитом было по тем временам даже опасно... Я буквально целыми днями и ночами думал над создавшимся положением, взвешивал все «за» и «против». И тут мне в голову пришла неплохая идея. Этот год совпадал с пятилетием существования Биробиджана как культурного центра Еврейской автономной области^[7]. Естественно, что руководство области готовилось к этой дате. В частности, намечалось завербовать в ЕАО еще около десяти тысяч евреев. Вербовщики были разосланы во многие города Союза. Обдумав все это, я зашел к Кушниру с предложением, чтобы наш театр выехал на гастроли в ознаменование пятилетия Биробиджана. Надо, мол, показать народу наш театр, наши успехи в строительстве новой жизни на земле Биробиджана. С нами поедут представители организации по вербовке и на наглядном примере нашего театра покажут, как растет Биробиджан, каким он стал культурным центром.

Получив «добро» обкома партии и облисполкома и соответствующие документы, я был готов как можно скорее выехать в намеченные города, то есть Иркутск и Новосибирск, для подготовки их к приему нашего театра. До сих пор я ни с кем не делился своими планами. Во-первых, не было уверенности в том, что поездку нам разрешат. Во-вторых, отказ еще больше ухудшил бы настроение коллектива. В-третьих, я мог бы получить кличку хвастуна, который, мол, расхвастался о гастрольной поездке, а сам не смог бы ее организовать. Теперь, когда вопрос был согласован, я решил, прежде всего, переговорить с М.И. Гольдблатом... В фойе театра висело объявление о профсоюзном собрании. Повестка дня: оздоровительная компания, прием в члены профсоюза и текущие дела. Я подумал, что собрание очень кстати. И когда оно подойдет к текущим делам, я преподнесу приятный сюрприз. Собрание проводилось в Красном уголке, который размещался на первом этаже одного из наших жилых домов...

Меня увидели и сообщили, что меня не поставили в известность заранее, так как собрание – неплановое. Получено письмо обкома профсоюза по вопросу путевок на текущий год, и местком решил рассмотреть этот вопрос. Я, конечно, понял, почему такая спешка: каждый хотел поскорее получить путевку и побыстрее уехать из Биробиджана...

Председатель МК зачитывал, какие путевки и на какое время имеются. Все слушали очень внимательно. В это время к дверям Красного уголка подошли два человека из НКВД, которых я знал и которые знали меня хорошо, и попросили меня вызвать Брагинского. Я подумал, что он понадобился им как комендант театра и жилых домов, по какому-то противопожарному или подобному вопросу. А когда он вышел, я посмотрел ему в след и по обращению с ним понял, что это – арест. Ему даже не разрешили зайти домой, хотя жил он напротив Красного уголка. Его посадили в машину и тут же увезли. После выхода Брагинского некоторые товарищи посмотрели в окно и тоже увидели всю эту сцену...

Стало очень тихо. Настроение у всех подавленное, наступила какая-то общая растерянность. Тогда я попросил слово для замечания по вопросам распределения

путевок. Я сказал, что только что договорился с руководством обкома и облисполкома о выезде нашего театра во внеочередную гастрольную поездку, посвященную пятилетию Биробиджана, и потому отпуск может быть предоставлен всем работникам театра только после окончания гастрольной поездки. Поэтому я считаю, что наш местком должен поставить вопрос о выделении нам путевок на сроки после гастролей.

Сцена из спектакля БирГОСЕТа.

Мое сообщение было встречено буквально с восторгом: ведь путевки могли получить несколько человек, а на гастроли уезжали все...

Подготовка к гастролям началась самая интенсивная – мы наметили с Гольдблатом репертуар, была заказана реклама, к каждому спектаклю были составлены программки и либретто на русском языке. Надо было обновить оформление спектаклей, костюмы, реквизит, отобрать самое необходимое. Все это делалось в спешке, чтобы я поскорее мог выехать.

Перед моим отъездом как-то собрались опять я, Вайнгауз, Эмма Казакевич и Гольденберг. Все разговоры, естественно, велись о текущих событиях. Вдруг Эмма Казакевич заявляет: «Я уезжаю в Москву. Здесь я больше не могу оставаться. Каждый день ждать, что завтра с тобой может что-то случиться, – невыносимо. У меня все готово к отъезду, а вас я прошу пока о моем предстоящем отъезде никому не говорить». Гольденберг начал его отговаривать:

– Чего ты боишься? Ты же ни в чем не замешан и ничего плохого не сделал.

– А я не верю, что те, которых арестовали, сделали что-то плохое, – ответил Эмма шепотом и с оглядкой...

И Казакевич уехал. Не исключено, что своим отъездом он предвосхитил какие-то события. <...>

Пока шла подготовительная работа к гастролям театра, на нашу голову обрушился еще один удар: арестовали Гольденберга, редактора газеты «Биробиджанер штерн» и лучшего

друга Вайнгауза. Здесь я уже испугался за Вайнгауза. За себя, откровенно говоря, я как-то не боялся. Точнее говоря, я, конечно, боялся, но успокаивал себя такими рассуждениями: ну кто я такой? Административный работник театра. Кому, мол, я нужен? Но после ареста Гольдфайна и Гольденберга я понял, что взялись за работников культуры и литературного фронта. Я начал беспокоиться за судьбу Гольдבלата и Вайнгауза и других ведущих работников нашего театра.

К счастью, в это время у меня уже все было готово к отъезду и я мог выехать для подготовки наших гастролей. И хотя я надеялся, что скоро смогу вызвать коллектив, меня очень беспокоила мысль, не случится ли что-нибудь за эти дни с ведущими актерами театра. А главное, меня очень беспокоил Вайнгауз. Его нельзя было узнать после ареста Гольденберга. Он очень похудел, побледнел, замолчал. Куда делся живой, всегда веселый Ноткэ Вайнгауз? Мы не только больше не слышали его смех, даже улыбка исчезла с его живого и такого привлекательного лица. Он все время ждал, что вот придут и за ним.

Я не мог уехать из Биробиджана, оставив там Ноткэ в таком состоянии. Потом я опять пошел в обком и заявил, что один я не могу ехать в такую ответственную поездку с театром. Ведь я буду очень занят административными делами театра. Что касается Гольдבלата, то он, говорил я, будет занят спектаклями, репетициями, встречами с работниками искусств. А ведь основная цель нашей поездки – это ознакомить людей с достижениями ЕАО, с ростом ее культуры, успехами и т. д. А так как Вайнгауз является начальником облотдела искусств и к тому же хорошо знает наш театр, пусть он и возглавит нашу поездку. В обкоме посчитали, что я рассуждаю правильно. Решением обкома и облисполкома Вайнгауз был назначен нашим руководителем в этой поездке. Со спокойной совестью я в тот же вечер поехал в Иркутск. Мне хотелось верить, что оставшиеся дни будут спокойными и для Вайнгауза. <...>

Наши гастроли в Иркутске прошли хорошо^[8]. Прежде всего, это была, конечно, заслуга нашего театра. Спектакли наши были действительно хорошими. В них было много песен, танцев. Ведь евреи, как отметил Горький, веселый народ...

В Новосибирске мне было гораздо легче организовать наши гастроли. Во-первых, гарантийный договор с Иркутском сыграл свою, так сказать, показательную роль. Во-вторых, у меня было больше времени, и я мог спокойнее, а значит, увереннее себя вести. В-третьих, дирекция и руководство Новосибирского театра «Красный факел» шли нам навстречу и помогли в организации гастролей. Так что в течение двух дней я оформил с Новосибирским отделом искусств договор на 16 гарантийных спектаклей.

Затем я поехал в Свердловск. У меня было личное письмо от нашего секретаря обкома товарища Кушнера к первому секретарю Свердловского обкома партии, с которым он когда-то вместе занимался в Москве. Он сразу принял меня, пригласил в кабинет, сел рядом и долго расспрашивал о театре, о Биробиджане, о Кушнере. Сказал, что будет очень рад посетить наши спектакли, так как давно уже не был в еврейском театре. Так как наши гастроли в Свердловске должны были начаться месяца через 1,5–2, он мне сказал: «Сейчас вы можете ехать обратно. Приедете через месяц, и мы всё оформим». В тот же день я выехал обратно в Иркутск. Предварительная продажа билетов шла довольно успешно, так что настроение у начальника отдела искусств было хорошее и его отношение к нашему театру улучшилось.

Вскоре приехал коллектив, и мы начали работать. Спектакли проходили с большим успехом, сборы были хорошие, и мы понемногу уже стали забывать наши переживания в Биробиджане. Но вдруг (опять это слово «вдруг») мне в гостиницу приносят телеграмму

на имя Вайнгауза с предложением немедленно вернуться в Биробиджан готовить зимний сезон.

Что за черт, думаю, какой сезон должен готовить Вайнгауз? Тут что-то не то... И я скрыл эту телеграмму от Вайнгауза. Дежурного администратора гостиницы я попросил, чтобы телеграммы, адресованные Вайнгаузу, передавались мне. Через несколько дней опять телеграмма на имя Вайнгауза с тем же текстом. В конце телеграммы приписка «Выезд телеграфируйте». Несмотря на мое предупреждение, эта телеграмма попала к Вайнгаузу. И кроме того, ее содержание узнали все. Люди понимали, что речь идет не о подготовке сезона, а о чем-то другом... Все начали смотреть на Вайнгауза с каким-то сожалением. Говорили только о нем, а стоило ему появиться, как разговоры прекращались. Вайнгауз все это видел и понимал. Я всеми силами старался успокоить его, говорил, что напишу в Биробиджан, что без него сорвутся наши гастроли и попрошу не отзываться его и т. д.

– Нет, – отвечал он, – это ясно, что их заставили отозвать меня, и как только я приеду в Биробиджан, меня тоже арестуют.

Он сразу изменился, осунулся. На нервной почве ему казалось, что у него болят все зубы, и он начал вырывать совершенно здоровые... Но боль не проходила... И Вайнгауз решил ехать. Я всеми силами отговаривал его от этого, говорил, что уехать он всегда успеет, что следует обождать. Так прошло еще два дня. И так как мы не дали телеграфного подтверждения о выезде Вайнгауза, то пришла еще одна телеграмма. Она была уже адресована Вайнгаузу и мне. В ней говорилось примерно следующее: «Если Вайнгауз немедленно не выедет в Биробиджан, то станет вопрос о его партийности». Получив эту телеграмму, Вайнгауз мне сразу заявил:

– Что бы со мной ни случилось, я еду. Вопрос партийности для меня важнее жизни.

И он уехал.

В Биробиджане остались жены некоторых наших музыкантов и актеров, а также главный бухгалтер нашего театра Ольга Ивановна. Так как наши товарищи переписывались с ними, то мы через несколько дней узнали, что, как только Вайнгауз приехал в Биробиджан, его тотчас же арестовали...

С арестом Вайнгауза настроение в театре резко упало. Спокойное настроение, с которым мы жили и работали в последнее время, исчезло. Закончили мы гастроли в Иркутске и переехали в Новосибирск, где уже находился наш администратор. Наладив начало работы в Новосибирске, я опять выехал в Свердловск, чтобы, согласно нашей договоренности с обкомом партии, оформить там наши гастроли. Но за 8–10 дней до моего приезда там были арестованы секретарь обкома, а затем и зав. отделом агитации и пропаганды обкома, т. е. люди, с которыми я вел переговоры. Товарищи, которые их заменили, сказали мне, что они не в курсе дела и не могут сейчас заняться нашим вопросом. Таким образом, необходимо было начинать все сначала. А у меня у самого уже не было ни настроения, ни желания. Я был уверен, что и коллектив будет рад, если мы раньше закончим свою поездку и уедем в отпуск.

Поэтому я уехал из Свердловска со спокойной совестью. И только решил, что приложу все усилия к тому, чтобы продлить наши гастроли в Новосибирске на несколько дней, чтобы лучше подготовиться к отпуску. Это мне удалось. В Новосибирске наш театр тоже прошел с большим успехом. У нас были также творческие встречи с коллективом театра «Красный факел» и с культурной общественностью города...

Здание БирГОСЕТа.

Гастроли были закончены, и весь коллектив разъехался. Моя семья оставалась в Новосибирске, чтобы подождать моего возвращения из Москвы, куда я должен был ненадолго поехать с нашим художественным руководителем М.И. Гольдблатом. Ввиду сложившейся обстановки Гольдблат решил в Биробиджан больше не ехать, а вернуться в Москву. Он имел на это полное право, так как его договор на работу в Биробиджанском театре закончился еще в прошлом году. От меня требовалось не возражать против ухода Моисея Исааковича. Для этого я и должен был поехать с ним в Комитет по делам искусства РСФСР в Москву. Председатель Комитета товарищ Беспалов быстро решил этот вопрос. На должность художественного руководителя нашего театра мы временно выдвинули нашего артиста Гельфанда^[9]. <...>

В Биробиджане я узнал подробности ареста Вайнгауза. Приехал он ночью. Жил он во дворе театра в доме артистов вместе с нашей актрисой Басихес. Они должны были после гастролей официально зарегистрировать свой брак. Проснулся Вайнгауз рано. Он надел белую рубашку-тенниску, белые брюки, тапочки на босую ногу и зашел в ресторан, который был в нашем дворе, позавтракать. Он успел только выпить полстакана чая, как подошла официантка и сказала, что его просят зайти в кабинет директора ресторана.

Как только он переступил порог кабинета, двое работников НКВД, которые там были, предложили ему расплатиться с официанткой и следовать за ними к машине, которая стояла во дворе. Он попросил разрешения зайти домой переодеться, но ему этого не позволили.

Сразу же после приезда в Биробиджан я пошел в обком партии и облисполком с отчетом о нашей гастрольной поездке. Отчет был принят и одобрен. И так как театр остался без директора, этот вопрос тоже обсуждался. На вопрос, как я отношусь к тому, чтобы возглавить театр, я ответил отказом. Я ведь понимал, что на такую должность должен быть назначен член партии, проверенный товарищ. Кроме того, после ухода Гольдבלата у меня сразу отпало желание работать в этом театре. И когда была названа кандидатура директора Парка культуры и отдыха Герцберга^[10], которого я хорошо знал и как работника, и как человека, я сказал, что эта кандидатура вполне подходит. Ввиду того что Герцберг мог приступить к работе в театре только после закрытия Парка, т. е. в конце сентября, то я был назначен и. о. директора до его прихода. <...>

Я воспользовался сложившейся обстановкой, чтобы обосновать свой уход из театра. <...> И вот с 1.VII.1939 года я покинул Биробиджанский театр и вместе с семьей уехал из Еврейской автономной области...

^[1] Вайнгауз Нотэ (Вайнгойз Натан; 1905, Минск – 1941, Минск) – журналист, публицист. В середине 1920–х годов один из руководителей пионерского и комсомольского движений Белоруссии, с 1927 года редактор детского еженедельника «Пионер-векер» (Минск). В середине 1930–х годов председатель радиокомитета ЕАО, директор БирГОСЕТа (1938). Арестован в июле 1938 года. После освобождения в 1940 году уехал в Минск. Один из руководителей подпольного центра в Минском гетто.

^[2] Гольденберг Бузи (1902–1957) – журналист. Редактор «Биробиджанер штерн» (1936–1937). Арестован в 1938 году. После освобождения в 1940 году уехал в Минск. Участник финской кампании и позже войны с Германией, подполковник.

^[3] Казакевич Эммануил Генрихович (1913, Кременчуг – 1962, Москва) – поэт, журналист, переводчик, писатель. Выпускник Харьковского машиностроительного техникума. В Биробиджане с 1931 года, председатель колхоза «Валдгейм» (1932), организатор и первый директор БирГОСЕТа (1933–1934), сотрудник «Биробиджанер штерн» (1935–1938), параллельно заведующий литературной частью БирГОСЕТа. С 1938 года в Москве. Участник войны, лауреат Сталинской премии в области литературы. Автор ряда книг на идише и русском.

^[4] Гетей-Тягло Григорий Савич – начальник отдела искусств ДВК, репрессирован в 1938 году.

^[5] Хавкин Матвей Павлович (1897, Рогачев – около 1966, Москва) – первый секретарь обкома партии ЕАО (1934–1937).

^[6] Фейгин Гирш (Григорий Борисович; 1905, Рига – 1965, Рига) – в 1920–х годах студиец «Культур-лиги» в Москве, ученик Евгения Вахтангова.

^[7] Видимо, автор перепутал – БирГОСЕТ выехал на сибирские гастроли летом 1938 года, когда в области широко отмечалось 10–летие начала еврейского переселения в Биробиджан. А пятилетие ЕАО отмечалось в 1939 году.

^[8] БирГОСЕТ выехал на эти гастроли в начале июня 1938 года. Репертуар состоял из спектаклей «Уриэль Акоста» Гуцкова и «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема, а также пьесы Переца Маркиша «Семья Овадис» в постановке московского режиссера Мориса Норвида (1895–?).

^[9] Гельфанд Хаим (Ефим Львович; 1912–1989, Красноярск) – актер, режиссер. Выпускник театрального техникума при МосГОСЕТе, играл в Одесском еврейском театре. С 1934 года в Биробиджане, худ. руководитель театра (1938–1946 и 1948–1949).

^[10] Герцберг Борис – выпускник курсов кинорежиссеров в Москве, в Биробиджане с середины 1930–х годов. Начальник городского парка культуры (1936–1938), директор БирГОСЕТа (1938–1941 и 1949). Участник войны. После ликвидации БирГОСЕТа был директором театра в Комсомольске-на-Амуре.